

Р Ы Б А

18+

Ваня Жуков

Рыба

«Автор»

2026

Жуков В.

Рыба / В. Жуков — «Автор», 2026

Это называли спасением. Борьбой с пропагандой наркотиков. Сначала из песен исчезли неудобные слова, из фильмов вырезали неудобные кадры. Раньше ведь говорили, что из песни слов не выкинешь? Но этого оказалось мало. «Рыба» — это история о том, что боль и проблема остаются, даже если о них не говорить.

© Жуков В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лето	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ваня Жуков

Рыба

Слова из песни «Тварь» Константина Ступина:

Тварь - переросший мальчик
С антисоветской татуировкой
Тащится куда-то, как разбитый трактор
С глазами залитыми русской водкой
Слякоть - его стихия
Кайф, как награда за подвиг
На молитву отвечая звериным оскалом
Медленно тащится в преисподнюю

Константин Ступин скончался в 2017 году.

Слово «кайф» было вырезано из песни «Тварь» на всех площадках в 2026 году...

Глава 1. Лето

Солнце возвысилось над девятиэтажками, уже освещая весь двор. Было тихо. Кое-где раздавался детский крик, да изредка пищали домофоны подъездов. Воздух сегодня был чуть влажным после вчерашнего ливня.

Толя вышел из подъезда, прищурился от света и поправил очки. Воскресенье. Можно было никуда не спешить. Он направился через двор до магазина, нужно было купить кое-что и прогуляться заодно. В тени старого тополя, за грубо сколоченным столом, сидели трое стариков и стучали костяшками домино. Толя знал их в лицо, видел здесь каждый раз, когда проходил мимо. Один, плешивый, в растянутой майке. Второй, сухой и жилистый, с вечно недовольным лицом, носил старую кепку, которую никогда не снимал. Третий же, казалось, никогда не принимал участие в игре, лишь наблюдал.

Толя подошел ближе, остановился в паре шагов. Старики как раз закончили партию. Плешивый хлопнул ладонью по столу и засмеялся:

– Рыба! Гляди! – посмеялся он, – Это ж отлично! Мы как будто оба выиграли.

Тот, что в кепке, мрачно уставился на костяшки. Он долго молчал, потом сплюнул в сторону и покачал головой:

– Дурак ты. Никто не выиграл. Все проиграли. Рыба – это тупик. Ходов больше нет. Ни у тебя, ни у меня. Все.

– Это же как посудить, – вмешался в спор тот, что наблюдал, Клим. – Это, так сказать, как говорить, у одного стакан наполовину пуст, у другого полон. Как говорить, как посмотреть.

Толя знал этого старичка, он жил этажом выше. Половина его речи состояла из слов «так сказать» и «как говорится».

– Ну вот видишь, Семен. В стакане то все равно кой чего и есть. А ты сразу: «оба проиграли»!

– Оба! С полстакана я не захмелею, а лишь раздражню себя. Какая ж это победа, Вася.

Клим залез рукой куда-то под лавку и с хитрой улыбкой сказал.

– Товарищи. А у меня тут это, так сказать. Ну раз уж мы начали про стаканы спорить, так сказать, как говорить, есть кой чего. Чтоб не спорить у кого где этот стакан, так сказать. Предлагаю шлифануть это дело, как говорится. – сказал он, доставая из сумки бутылку и три пластиковых стаканчика.

Дед Семен собрал костяшки в кучу и поднял глаза. Взгляд его упал на Толю, но задержался не на нем, где-то за его спиной. Толя обернулся. В кустах у гаражей копошился молодой парень в грязной футболке, с бегающими глазами. Он шарил руками в траве, приподнимал ветки, заглядывал за бордюр. Толя знал этот взгляд. Знал эти движения.

– Эй! – рявкнул Семен, приподнимаясь со скамейки и сжимая в руке трость. – Ты че там ищешь, а? Иди отсюда! Чтоб духу твоего здесь не было!

Парень вздрогнул, выпрямился, бросил на старика злобный взгляд, но ничего не ответил. Развернулся и быстро зашагал прочь, сунув руки в карманы. Толя проводил его взглядом.

По средам Толя ходил в клуб, так он называл это место. Каждую среду уже много лет. Клуб располагался в подвале старого жилого дома. Никакой вывески, только облупившаяся дверь и неработающий звонок. Внутри пахло сыростью и дешевой заваркой. Ряды пластиковых стульев, стол с кипятильником.

Здесь собирались те, кто когда-то сидел на героине, метадоне, крокодиле, колесах, кто пил аптечные настойки, кто нюхал клей и курил спайс. Те, кто выжил. Толя приходил сюда уже двадцать лет. Сначала трясущийся и молчаливый. Загнанный в угол, словно зверь. Потом как один из тех, кто держится. А теперь как наставник. Он не был психологом, не имел диплома, но у него было то, чего не было у дипломированных специалистов. Он сам прошел этот ад и

вернулся, знал каждую лазейку, каждую отмазку, каждую ложь, которую зависимый рассказывает себе и родным. Знал, потому что сам произносил эту ложь сотни раз.

Сегодня в клубе было около десяти человек, постоянные и один новенький. Молодой парень, лет двадцати пяти, не больше. Стул под ним ходил ходуном, потому что ноги отказывались слушаться, а руки то и норовили сорвать с шеи ворот, хотя футболка и так висела мешком. Глаза, покрасневшие и влажные, бегали по залу, но ни на ком не задерживались, они то расширялись, встречая свет ламп, то сужались, когда он опускал взгляд в пол. Кадык ходил ходуном, он сглатывал слишком часто и слишком громко, а губы были сухими и искусанными до мелких кровавых корочек. Его била мелкая дрожь, плечи вздрагивали через каждые несколько секунд, словно по коже пробегали невидимые мурашки.

Толя начал первым, как и всегда.

– Всем привет. Я Толя.

– Привет, Толя, – ответили хором все кроме одного.

– Рад вас всех видеть. Хочу начать с того, что сегодня девятнадцатая годовщина с момента, как я чист.

По залу пробежали аплодисменты. Он рассказал всем как прошла его неделя. Как справлялся с желанием сорваться, ведь оно как паразит, который никогда тебя не покинет. Постоянные с интересом и улыбкой послушали историю о философском споре за домино. Новенький молчал.

– Может, хочешь что-то сказать? – спросил Толя, глядя на него. – Необязательно представляться, если не готов. Просто расскажи, как ты здесь оказался.

– Нет. – отрезал он.

– Ладно. Тогда пропустим. Гена, расскажи, как у тебя дела.

Гена являл собой самый яркий и живой пример для всех, кто думает, что вещества – это круто. Он сидел на инвалидном кресле без обеих ног.

– Всем привет, я Гена.

– Привет, Гена.

– Сегодня год и восемьдесят четыре дня как я чист.

Ему похлопали.

– Как многие из вас слышали уже, я сидел на дезоморфине. То, что я могу говорить, это уже чудо господнее. – он перекрестился, – я хотел кое-чем поделиться. Я вчера сам сходил в душ. Коляску оставил у входа. Мама все бегала вокруг да около, но я ей запретил входить. Сидел я на краю ванны и минут двадцать просто держал руку под краном, под теплой водой. Знаете, течение. Раньше я не замечал, как это приятно. Это как когда я в гнойной хирургии лежал. Привыкаешь к запаху тухлого человеческого мяса. А как выписали, я вдохнул полной грудью, и опьянел сильнее, чем от любой дури.

– Спасибо за историю, Гена, – сказал Толя и снова перевел внимание на парня, – Молодой человек, ваша очередь. Вы должны сказать хотя бы пару слов. Таковы правила.

Парень поднял озлобленные глаза, словно у избитого уличного пса.

– Отвали от меня дедуля. Че ты тут нас лечишь? Кто сказал, что ты тут главный? Сидишь тут в своих очках, интеллигент. Ты и половины не испытывал того, что мы. Глянь на этого крокодила Гену хотя бы. Че он не главный?

– Слышь! – поднял голос Гена.

– Тише, тише, – сказал Толя, – дай ему договорить.

– Умный тут самый, профессор, – продолжил парень, – ты хоть представляешь, что такое приносить боль близким. Завязал он двадцать лет назад. Герой.

Толя помолчал. Постоянные переглянулись.

– Я убил свою девушку, – сказал он ровно. – Сел за руль пьяный и под кайфом. Дело было возле дома. Поехал за добавкой. Она пыталась меня остановить. Перепутал передачу, сдал назад вместо того, чтобы ехать вперед. Придавил ее между бампером и гаражными воротами.

Парень замер. Нога перестала трястись.

– Мы собирались пожениться. Я отсидел за это. Вышел. И вот я здесь. Я знаю, что такое, когда ты сам от себя отворачиваешься. Поэтому я здесь. Не чтобы учить. Чтобы ты не прошел через то, через что прошел я.

В комнате стало тихо. Парень опустил глаза и ничего не ответил. Толя не давил. Он знал, иногда слова попадают куда нужно не сразу. Иногда они прорастают потом, через неделю или через месяц.

По дороге домой Толя надел наушники и включил музыку. Что-то авторское, под акустическую гитару. Шел через темный двор, мимо тополей, скамеек, качелей и фонарей. В наушниках что-то щелкнуло, и голос пропал. Не весь, только одно слово. Как будто кто-то вырезал его ножницами из пленки. Толя нахмурился, остановился. Достал телефон, отмотал назад, включил снова. Та же тишина на том же месте. Он отмотал еще раз. Ничего. Слово исчезло. Он переключил трек. Другая песня и снова дыра. Короткая, в полсекунды, но заметная. Будто певец на секунду погрузил голову в аквариум. Толя выключил музыку, сунул телефон в карман и пошел дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.